

Посвящается ТК

Морской воде познание подобно:
Оно горчит, журчит, блестит и плещет.
Мир в нас плюется им, сердито стиснув зубы,
И, к каменной груди своей прижав,
Нас им же вскармливает неустанно.

*Элизабет Бишоп.
«В рыбацких хижинах»*

1

Одним прохладным августовским вечером — через несколько недель после смерти отца — Уоллас решил, что, пожалуй, все же сходит на пристань встретиться с друзьями. Озеро бугрилось белыми барашками. Народу на берегу было полно — все хотели насладиться последними летними деньками, пока погода окончательно не испортилась. Многоярусная набережная усеяна была белыми, которые широко разевали рты, хохотали друг другу в лицо и так отлично проводили время, что, казалось, сам воздух густел от их веселья. Впрочем, чайки парили у них над головами как ни в чем не бывало.

Уоллас стоял на верхней площадке и всматривался во всю эту кучу-малу, пытаясь отыскать глазами «своих» белых. В голове крутилась мысль, что еще не поздно развернуться, уйти и провести вечер, как обычно. Он уже пару лет не ходил с друзьями на озеро, и оттого ему было слегка неловко. Вроде как нужно было чем-то объяснить такой длинный перерыв, а у него никакого оправдания не было. Может, все дело было в том, какая здесь вечно царил толчея и скученность. Вот даже и чайки поначалу просто кружили над пристанью, присматривались, а затем, заметив добычу, камнем кидались вниз к твоему столику или ногам, словно тоже жаждали общения. Опасность подстерегала за

каждым углом. А может, всему виной был стоявший над пристанью невыносимый гвалт, в который сливались перекрикивавшие друг друга голоса, дурацкая музыка, детский визг, собачий лай, треск радиоприемников расположившихся у воды ребят из студенческого братства, завывания магнитол проносившихся по улице машин — гомон сотен несогласных друг с другом жизней.

Шум этот будто бы требовал от Уолласа чего-то странного, не вполне ему понятного.

Ближе всего к воде располагались деревянные столы темно-красного цвета, и за одним из них Уоллас заметил четверых своих друзей. Нет, пожалуй, точнее будет сказать, заметил Миллера — самый высоченный из всей компании, он всегда первым бросался в глаза. Следом он увидел Коула и Ингве — эти двое были *просто* высокими. И, наконец, разглядел Винсента, едва дотягивавшего до отметки «средний рост». Вся эта троица — Миллер, Ингве и Коул — смахивала на передвигавшихся на задних ногах изящных светлошкурных оленей, они словно принадлежали к отдельному биологическому виду, и прими их кто второпях за родственников, его вполне можно было бы понять и простить. Как и сам Уоллас, и вся их компания, они приехали в этот город на Среднем Западе, чтобы окончить тут аспирантуру по специальности биохимия. Группа у них набралась самая маленькая за последние годы, и впервые за три десятилетия на курсе оказался чернокожий студент. В минуты уныния Уолласу начинало казаться, что эти факты связаны между собой. Что поступить ему удалось лишь потому, что многие претенденты в тот год отозвали свои заявления.

Он как раз решил все же развернуться и уйти — не был уверен, что сможет вынести общество людей,

к которому еще недавно так стремился, — но тут Коул вдруг поднял глаза и заметил его. И тут же вскинул руки вверх, словно бы пытаясь сделаться еще длиннее, чтобы Уоллас уж точно его не пропустил, хотя тот и так смотрел прямо на него. Пути назад не было. И Уоллас помахал друзьям.

Была пятница.

Уоллас спустился по прогнившим ступеням, вдохнул стоящий над озером густой запах тины. Двинулся вдоль подпорной стены, мимо стоявших на приколе лодок, мимо темных прибрежных камней, мимо уходящего далеко в воду пирса, тоже усеянного веселыми смеющимися людьми. Он шел и смотрел на широко раскинувшуюся зеленоватую гладь озера, на скользящие по ней лодки, на надутые ветром гордые белые паруса, на нависшее надо всем этим небо.

Так красиво.

Так живописно.

Еще один чудный вечер уходящего лета.

* * *

Час назад Уоллас был в лаборатории. Все лето он потратил на выращивание нематод, занятие одновременно и нелегкое, и невероятно скучное. Нематодами назывались крошечные свободноживущие обитающие в почве черви, во взрослом состоянии достигавшие всего лишь миллиметра в длину. В ходе эксперимента Уолласу предстояло вывести четыре штамма нематод, а затем скрестить их между собой. Проект включал индукцию генетического повреждения, которое следовало исправить так, чтобы получить желаемую модификацию — ослабить структуру белка, изъять или добавить некий сегмент — и добиться появления признака, который передавался бы из

поколения в поколение, как веснушки, щель между зубами или леворукость. Следующий этап требовал простых, но кропотливых расчетов: необходимо было скрестить полученную модификацию с модификацией из другого штамма, чтобы закрепить признак — сбой в работе нервной системы, благодаря которому выведенные черви не извивались, а перекатывались, или мутацию эпидермиса, из-за которой нематоды рождались толстенькими, как шоколадные батончики. При этом всегда существовала опасность вывести мужские особи, которые обычно оказывались либо нежизнеспособными, либо не заинтересованными в спаривании. Далее следовало изучить генетический материал полученной особи, и именно в этот момент всегда выяснялось, что так долго и тщательно выводимая модификация где-то затерялась. После чего приходилось несколько дней, а то и недель лихорадочно высматривать среди скопища червей нужного, уже практически потеряв надежду, умирать от облегчения, все же выискивая среди них ту самую нематоду, и снова начинать долгий процесс селекции, закрепления нужных хромосом и отсекания ненужных, пока не удастся создать желаемый штамм.

Все погожие летние деньки Уоллас просидел в лаборатории, снова и снова безуспешно пытаясь вывести тот самый нужный ему штамм. И час назад достал из лабораторного инкубатора свои контейнеры с чашками Петри. Он поместил их туда три дня назад, и все это время терпеливо ждал, когда старое поколение червей сменится новым. Этот штамм он выводил несколько месяцев. Тщательно отбирал новорожденных нематод, идеальных, едва различимых глазом созданий, кропотливо разделял их, пока, наконец, не вывел вожделенную тройную мутацию. Но сегодня, достав из

инкубатора чашки, он неожиданно обнаружил, что синне-зеленая поверхность агар-агара, обыкновенно ровная, мягкая и упругая, как человеческая кожа, ровной больше не была.

«Пластинки кто-то трогал», — подумал он.

Нет, не трогал, неверное слово.

Их кто-то загрязнил.

Пыль и плесень — картина, представшая перед ним, напоминала жуткие извержения вулкана, в результате которых целые цивилизации оказывались погребены под слоями пепла и сажи. Агаровые пластины покрывали крошечные зеленые споры, под которыми пряталась влажная бактериальная пленка. Сам же агар будто бы поскребли жесткой щеткой. Уоллас осмотрел все контейнеры и почти в каждом нашел следы постигшего его ужаса. Загрязнение распространилось так сильно, что временами из-под крышек что-то капало ему на руки, казалось, контейнеры сочились гноем, как открытые раны. Вообще-то ему не первый раз доводилось такое видеть. В первый год в аспирантуре, пока он еще не научился действовать аккуратно и соблюдать чистоту, его чашки частенько покрывались плесенью. Но с тех пор он стал осторожным и внимательным. Он изменился. Набрался опыта, и теперь его штаммам ничто не должно было угрожать.

Нет, непохоже было, чтобы такую катастрофу вызвала обычная неаккуратность. Тут явно проглядывал злой умысел. Месть какого-то вредного мелкого божка. Уоллас стоял посреди лаборатории, качал головой и негромко смеялся.

Произошедшее и правда казалось ему забавным, хотя он и не смог бы объяснить почему. Просто анекдот, порожденный нелепым стечением обстоятельств. Впервые за все четыре года аспирантуры ему

вдруг стало казаться, что у него вот-вот получится. Что он вплотную подобрался к идее, ощупал ее границы, определил глубину составлявших ее проблем. Постепенно она обретала форму у него в мозгу, с ней он засыпал в пять утра и просыпался в девять, и именно она помогала ему пережить бесконечные дневные часы, когда в глазах стоял песок, а голова гудела от недосыпа. Идея блестящей пылинкой, золотой искоркой мерцала в солнечных лучах, лившихся в высокие окна лаборатории, даря надежду, что однажды и для Уолласа настанет миг кристальной ясности.

И что теперь от нее осталось? Горстка полудохлых нематод? Только три дня назад он проверял, как у них дела, и все они были прекрасны, чисты и совершенны. Только три дня назад он поместил их в инкубатор, чтобы они спокойно росли там, в темноте и прохладе. Может, если бы он заглянул туда накануне?.. Нет, все равно было бы уже слишком поздно.

Это лето было полно надежд. Уолласу казалось, он наконец-то к чему-то движется.

Во входящих сообщениях, как и во все предыдущие пятницы, обнаружилось: *«Приходи на пристань, мы займем столик»*.

И Уоллас подумал, что из всех решений, на которые он в данный момент способен, это, пожалуй, будет самым верным. Остаться в лаборатории не имело смысла. С загрязненными чашами и умирающими нематодами уже ничего нельзя было поделаться. Разве что начать эксперимент сначала... Но у него просто не было сил доставать с полки новую коробку, брать из нее свежие чашки Петри, словно карты из колоды. Не было сил включать микроскоп и, действуя осторожно и методично, пытаться спасти штамм. Если его

в принципе еще можно было спасти... У него даже на то, чтобы это выяснить, не было сил.

У него просто не было сил.

Потому он и пошел на озеро.

* * *

Над столиком повисло напряженное молчание. Уолласу начинало казаться, что, объявившись так неожиданно, он чему-то помешал, нарушил привычный распорядок. Они с Миллером сидели друг напротив друга, у самой подпорной стенки. Из бетона над плечом Миллера торчал клубок каких-то тонких корешков, в которых кишели темные мошки. Бордовая краска на столешнице облупилась, и стол смахивал на линяющую собаку. Ингве отковыривал в проплешинах серые щепочки и кидался ими в Миллера, но тот то ли не замечал этого, то ли не желал обращать внимания. Вид у него всегда был слегка раздраженный: глаза прищурены, взгляд отстраненный, на губах ехидная ухмылка. Уолласу это отчего-то казалось и отталкивающим, и умилительным одновременно. Однако сегодня Миллер, сидевший, подперев кулаком подбородок, выглядел просто усталым и скучающим. Днем они с Ингве ходили под парусом, и поверх их футболок до сих пор были накинута рыжие спасательные жилеты. Застежки на жилете Миллера болтались так, словно чувствовали себя здесь до крайности неловко. А влажные вихры на голове торчали в разные стороны. Ингве, парень с лицом треугольной формы и слегка заостренными зубами, был куда крепче и мускулистее Миллера. Ходил он, слегка наклонившись вперед, и казалось, в любую секунду мог споткнуться. Уоллас видел, как напрягались у него под кожей мышцы, когда он отщипывал от столешницы очередную щепку и, скрутив ее в пальцах,

щелчком отправлял в сторону Миллера. Одна приземлилась на жилет, другая угодила в волосы, но Миллер и бровью не повел. Заметив, что Уоллас смотрит на него, Ингве подмигнул ему, словно его проделки были какой-то только им двоим понятной шуткой.

Сидевшие рядом с Уолласом Коул и Винсент придвинулись друг к другу так близко, будто оказались на тонущем корабле и молили о спасении. Коул гладил Винсенту костяшки пальцев. Винсент сдвинул на лоб темные очки, и лицо его теперь напоминало мордочку какого-то мелкого зверька. Уоллас не видел его уже несколько недель, наверное, с того барбекю, которое они с Коулом устраивали на четвертое июля. Он вдруг с досадой понял, что с тех пор прошло больше месяца. Винсент работал в сфере финансов, наблюдал за жизнедеятельностью баснословных капиталов, как климатологи наблюдают за перемещением ледников. Здесь, на Среднем Западе, состояния наживались на коровах, кукурузе или биотехнологиях. Земля, испокон веку обеспечивавшая Америку зерном, молоком и птицей, породила индустрию, производившую разнообразные агрегаты и механизмы и дававшую богатый урожай органов, сывороток и тканей, выращенных из генного материала. Это был новый тип земледелия, равно как и работу Уолласа можно было назвать новым типом животноводства. Однако в целом, не считая незначительных отличий, это было то же самое, чем люди занимались от начала времен.

— Есть хочу, — заявил Миллер, проводя по столу руками. В движении он чуть не задел локоть Уолласа, и тот вздрогнул от неожиданности.

— Я же при тебе пиво заказывал, — отозвался Ингве. — Мог бы тогда сказать. А то твердил, что не хочешь.

— *Тогда* не хотел. К тому же мне не мороженое нужно. А настоящая еда. Тем более раз мы целый день на солнце проторчали и пить собираемся.

— Настоящая еда, — Ингве покачал головой. — Нет, вы только послушайте. И чего же ты хочешь, спаржи? Или, может, бобов каких-нибудь? Настоящая еда — это что вообще такое?

— Ты меня понял.

Винсент и Коул прыснули и театрально закашлялись, завозились, и стол накренился в их сторону. Выдержит ли он? Устоит ли? Уоллас надавил на свой край столешницы, деревянные планки скользнули по тонким темным гвоздям.

— Правда? — пропел Ингве. Миллер, закатив глаза, раздраженно рыкнул. От всех этих вроде как добродушных насмешек на Уолласа накатила грусть. Та, в существовании которой так легко не признаваться самому себе до тех пор, пока однажды она тебя не подкараулит.

— Я просто хочу есть, вот и все. Не обязательно меня доставать, — твердо, хоть и с усмешкой, произнес Миллер.

Настоящая еда. А ведь у Уолласа дома она была. И жил он недалеко. Можно было бы подобрать Миллера, как бездомного зверя, привести к себе и накормить. «*Эй, у меня со вчерашнего ужина отбивные остались, будешь?*» Он мог бы разогреть отбивные, карамелизировать лук, нарезать тот хрустящий хлеб, что продают в пекарне на углу, сдобрить его маслом и поджарить на сковороде. Уолласу так ясно это представилось: как остатки вчерашнего ужина превращаются в его руках в нечто горячее и душевное. В такие минуты все кажется возможным. Но тут тени, падавшие на стол, как-то переместились, и момент был упущен.